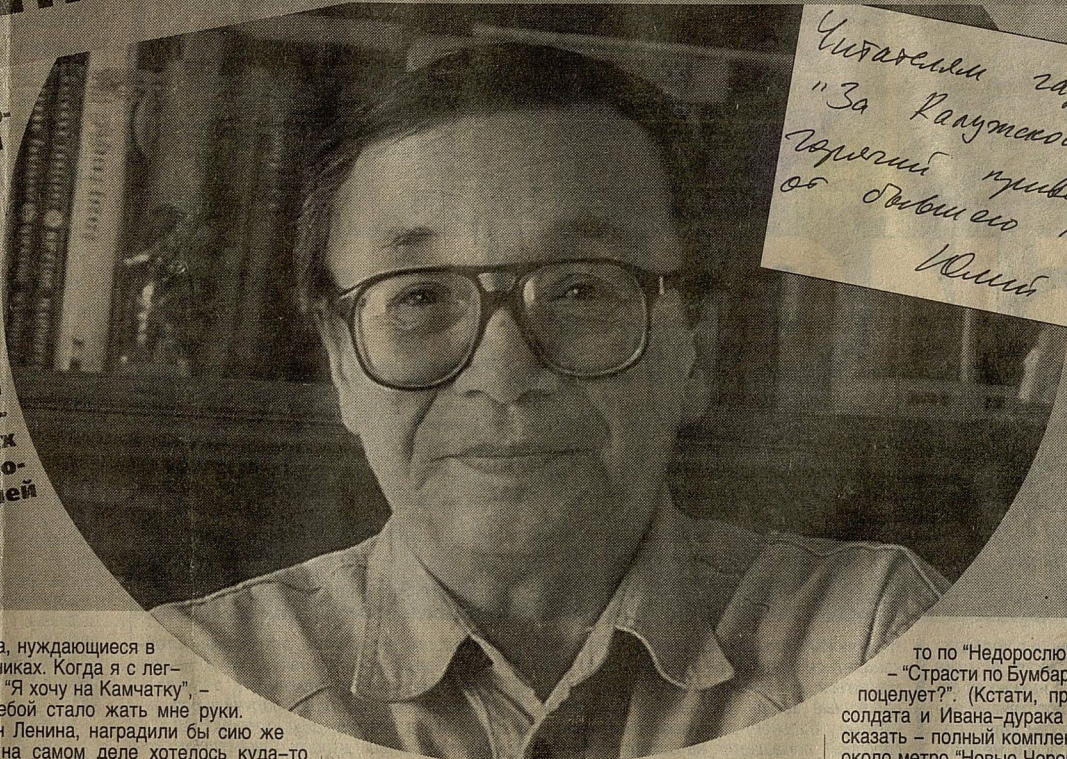

Юлий КИМ:

ВСЕ ИЩУ ОТВЕТА - ГДЕ ГЛАВНЫЙ ИДЕАЛ? ПОКА ОТВЕТА НЕТУ - КОПИТЕ КАПИТАЛ!

Песни Юлия КИМА всегда ярки, вселяют бодрость и оптимизм. Они звучат с кино- и телеэкранов, с подиумов театров, на привалах туристов и на семейных вечерах. И хотя некоторые песни оказались авторской песней, но в эпоху отсечения общества надобности в ней отпала, на самом деле это не так. Что подтверждают аншлаги на бардовских выступлениях и неизменная популярность слетов любителей авторской песни.

Читатели газеты
"За Камужской заставой"
привет
от бывшего камужанина.
Юлий Ким

— Юлий Черсанович, могли ли вы избрать другую профессию, кроме литературной?

— Еще поступая в педагогический институт, я знал, что работать учителем не буду, хотя пришлось, и довольно долго. Меня тянуло к литературной деятельности. Если бы я не был драматургом, автором песен, то стал бы редактором, сотрудником издательства или что-то в этом роде.

— Наверное, гены вашего отца — литератора, журналиста, переводчика, режиссера, общественного деятеля — сыграли свою роль.

— Я лишился отца, когда мне не было и года. Его арестовали в 30-х годах. Но мощные гуманитарные гены передались и по материнской линии — мои деды принадлежали к так называемой земской интеллигенции. Все они жили в Калужской губернии, так что я калужанин по происхождению. Мой прадед В. Всеяцкий был священником, два деда — врачами, еще один — землемер. Мать — учительница. Мы с ней жили в Малом Ярославце до 1951 года, когда она за вербовалась на "стройку века" — Большого Туркменского канала. Это спасло нас от голода. Там я посещал и окончил русскую школу в городе Ташаузе.

— Там и прорезались ваши музыкальные таланты?

— Любовь к песне привили мне в семье. Вообще я был певучим мальчиком.

— И, конечно, играли на гитаре?

— Нет. В те времена гитара считалась признаком мещанства. Самым распространенным инструментом была гармошка-двухрядка. Ну и, конечно, баян. А гитару я впервые увидел в институте и быстро перекопался, изменил свое мнение об этом инструменте. Он стал для меня, как и для всего поколения, символом самого демократического общества на свете, а отнюдь не мещанства.

— Шести- или семиструнная гитара вам приглянулась?

— Семиструнная. И хотя я сейчас играю на шестиструнке, но строй, как и у Окуджавы, семиструнный.

— Вы помните свою первую песенку?

— Конечно. После посещения Ленинграда, который произвел на меня огромное впечатление, я написал песню, где был такой припев:

Стер я, братцы, в Эрмитаже микропор
И хожу в ажиотаже до сих пор.
Это вам, товарищи, город Ленинград.
Не поеду дальше и не назад.

Мои старшие товарищи — Визбор и Красновский (они были на три курса старше) — раскритиковали мою музыку, поэтому с тех пор я ее не исполняю. А вот две другие ленинградские песенки время от времени включаю в программу своих вечеров.

— Если взглянуть в любой сборник ваших стихов, он, как правило, открывается песенками камчатского цикла. В их числе знаменитая песенка "Рыба-ки".

— В 23 года я стал работать учителем в рыбацком поселке Анапка на Камчатке. Да-а, это была глухомань так глухомань: пустынный берег океана и горсть домишек барачного типа вдоль двух улочек, а вокруг на сотни километров — тундра. Но те три года я вспоминаю как лучшее время. А что касается песенки "Рыба-ки", то написал я ее еще в Москве. За полгода до окончания института начальство устроило предварительное распределение. На карте СССР

указывались места, нуждающиеся в педагогах-словесниках. Когда я с легкой душой сказал: "Я хочу на Камчатку", — начальство наперебой стало жать мне руки.

Случись тут орден Ленина, наградили бы сию же минуту. А мне и на самом деле хотелось куда-то вдаль. А дальше Камчатки была только Америка, но туда еще не пускали. Помню, в тот же вечер, как я высказал свое желание, я и сочинил в общении свою первую песенку камчатского цикла. Она называлась "Рыба-ки".

— А какие еще эпизоды сохранила ваша память о студенческих годах?

— Помню первую зарплату. В институтском общежитии, которое располагалось на Малой Пироговке, затеяли ремонт. Комендант нанял троих (в том числе и меня), чтобы обкалывать и выносить из подвала застывший цемент. Это была очень тяжелая работа. При моем хрупком телосложении мне доставалось все вдвое тяжелее. Но наша бригада с работой управлялась в срок (мы работали целый месяц), и в тот же день мы пошли в шашлычную, которая располагалась рядом с Кинотеатром повторного фильма, гулять на полученные деньги. И так усердно предавались этому занятию, так шумно себя вели, что были выпровождены на улицу. Этого нам показало мало, и мы долго шли по Суворовскому бульвару, распевая какие-то песни. Слава Богу, до милиции дело не дошло. Я даже на остатки денег смог съездить первый раз в жизни на юг — в Кисловодск.

— А в студенческих трудовых отрядах не участвовали?

— Нет. Но вот после последнего курса — в 1959 году — до получения диплома я записался в археологическую экспедицию. Весь июль я раскапывал древний город Танаис неподалеку от Таганрога на реке Донец. Кстати, тогда я первый и единственный раз проявил свои деловые качества бизнесмена.

— Это очень интересно...

— Дело в том, что на раскопки я ехал на грузовой машине. И мне поручили по дороге купить для экспедиции пять мешков картошки. Выделили, как сейчас помню, 125 рублей. Я же, проезжая Курскую область, купил эти пять мешков по двадцать рублей каждый вместо запланированных двадцати пяти. Разницу я положил в карман и истратил на собственные нужды.

— Этот эпизод свидетельствует о наличии у вас явного предпринимательского таланта!

— Бизнес, однако, дальше не продолжился, так как последующие восемь с половиной лет я преподавал в школе.

— Зато еще на Камчатке создали вокально-инструментальный ансамбль, который назывался "Киты"...

— Наш школьный коллектив выступал в местном клубе перед рыбаками, вызывая их одобрение. Мне, человеку московскому, льстило это чрезвычайно.

— Ваши отношения с самостоятельной сценой, насколько мне известно, вы не прекратили, и вернувшись в столицу?

— С Камчатки в Москву я привез значительный опыт: и педагогический, и песенный. Последний я применил в физико-математической школе-интернате № 18 при МГУ.

— Это тот самый "инкубатор" вундеркиндов науки?

— Я, признаться, не очень рассчитывал, что юные гении пойдут со мной петь и плясать, подобно простым камчадалам. И ошибся: гении очень даже пошли. Все три года, что я пробыл в школе, вместе со мной мои ученики оглашали сцену (и свою, и университетскую) сочиненными мною звуками. Тут я разочаровался: песенные наши представления вполне подходили на настоящие спектакли, в которых были все элементы мюзикла.

— Почему же это все закончилось?

— За диссидентскую деятельность я был изгнан из народного образования. Но к этому времени уже сочинил несколько популярных песен, и мне стали поступать от театров и киностудий заказы. Первый, кажется, был в 1963 году. Вторым — огромный — в 1968 году. В следующем — еще один. И пошло, и поехало. С тех пор я оснастил своими песнями около полусотни кинофильмов и около тридцати пьес. К семидесятым годам я понял, что могу и сам сочинять пьесы, и вступил в Профессиональный комитет московских драматургов. Там я получил удостоверение и статус автора. Это давало мне право, нигде не работая, не числиться тунеядцем, что по тем временам было очень важно. Именно тогда я написал свою первую пьесу "Профессор Фауст", которая до сих пор ждет воплощения на сцене.

— Как говорится, первый блин комом. Я имею в виду, что у последующих пьес более счастливая судьба.

— Были годы, когда в одном городе шло одновременно по несколько моих пьес. Например, в Норильске мы даже соревновались с Гришей Гориним — чьих пьес там идет больше.

— А что видели москвичи?

— Только в прошлом году в театре Марка Розовского — "Золотой тюльпан Фан-Фана", мое либретто

то по "Недорослю" в Моссовете, в "Табакерке"

— "Страсти по Бумбарашу", в ТЮЗе — "Кто царевну поцелует?". (Кстати, про Ивана-царевича, Ивана-солдата и Ивана-дурака написано по пьесе. Можно сказать — полный комплект.) В театре "Бенефис" (это около метро "Новые Черемушки") идет по моему либретто мюзикл "Сватовство по-московски".

— Музыка тоже ваша?

— Нет, музыку написал Гладков.

— Григорий?

— Нет, Геннадий. Их вечно путают. Оба композиторы, и имена начинаются на одну букву. Так чтобы их различить, всегда пишу: "Ген." или "Гр.", что дает нам повод шутить, одного называя генералом, а другого гражданином Гладковым.

— Кроме сочинительства вы еще известны как исполнитель своих песен. Часто разъезжаете по стране?

— Не только по нашей. В апреле прошлого года я был в США и Канаде. В марте нынешнего посетил Германию, заезжал на два выступления в Париж. Все это я делаю по приглашениям поклонников моих песенок. Вот в Австралии еще ни разу не был, наверное, там любителей моего творчества очень мало.

— У вас есть автомобиль?

— Был, но давно. "Жигули" какой-то марки. Машину водила моя первая жена. Сам я не водил.

— Почему?

— Да как-то все руки не доходили. Как и до компьютера.

— Можете, у вас с ним несовместимость?

— Да нет, никаких противопоказаний к нему нет. Но и необходимости его иметь пока не вижу. Люблю коломатить по клавишам пишущей машинки.

— Создается впечатление, что вы человек довольно консервативный. А как вы встретили смену экономической формации в России?

— Хотя я и бывший диссидент, довольным нынешним положением дел быть не могу. Но, с другой стороны, благодарю судьбу за то, что она дала мне возможность дожить до этого неизбежного поворота событий. Я понимал, что рано или поздно в России это произойдет. Но я никак не думал, что это произойдет так стремительно и... неэффективно.

— Вы против рыночной экономики?

— Нет, конечно. Любое цивилизованное общество стоит на бизнесе, предпринимательстве. Рыночная экономика стимулирует массовую деловую энергию народа. У нас в России ее накопилось такое огромное количество, что энергия эта (из-за того, что не было создано условий) пошла в криминал со страшной силой. И до сих пор в основном в нем бултыхается.

— Что же делать, чтобы энергия эта приняла разумные, цивилизованные формы?

— Надо развивать средний класс — стеновой хребет цивилизованного общества. А пока у нас малый и средний бизнес в загоне, а процветает только большой, вскрываются все болезни монопольного капитализма.

— Какой же совет вы дадите нашим читателям на сегодняшний период?

— Я прочту вам монолог из песенки моего героя: Ой вы, деньги, деньги, деньги, денежки: Слаще пряника, милее девушки. Ой вы, деньги, деньги, деньги, рублики, Франки, фунты, стерлинги и тугрики. Все ищу ответа: где главный идеал? Пока ответа нету — копите капитал!

Вел беседу Владимир КРАСОВСКИЙ
Фото автора